

БИБЛЕЙСКИЙ ПОДТЕКСТ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ»

Рассматривается роль библейского подтекста в рассказе А.П. Чехова «Случай из практики», поднимающем проблему неравенства в капиталистическом обществе конца XIX в. на примере жизни рабочих и хозяев завода. Реконструируемый подтекст основан на том, что Чехов моделирует главного героя, доктора Королева, по образу Иисуса Христа исцеляющего. Делается вывод о том, что подтекст указывает на практическое понимание христианства Чеховым, на то, что христианство для писателя имеет смысл, если оно является призывом к добрым делам. Подтекст также углубляет и направляет важные моменты рассказа, подчеркиваемые атмосферой: победа над ужасом текущего положения дел, надежда на прекрасное будущее, уважение к личности каждого человека и преодоление разобщенности людей.

Ключевые слова: Чехов; подтекст; атмосфера; исцеление; ритмизация; Христос.

Творчество А.П. Чехова конца 1890-х – начала 1900-х гг. характеризуется обращением писателя к социальной проблематике. Самые знаменитые произведения А.П. Чехова, посвященные социальной проблематике, – это «Мужики» (1897) и «В овраге» (1900). В этих повестях Чехов описывает нищету сельского населения после сорока лет капитализма. Но на тяжелую жизнь городских нищих Чехов обращает внимание скорее фрагментарно, в отдельных ее аспектах: на безликость городской жизни («Тоска», 1886), на тему проституции («Знакомый мужчина», 1886; «Припадок», 1889), на нищету прислуги в гостиницах в «Мужиках».

В рассказе «Случай их практики» (1898) Чехов более подробно пишет о ситуации рабочих на заводе; но в тексте он также намекает на то, что это не просто, используя такие выражения, как «каша» и «недоразумение» [1. Т. 10. С. 82–83].

В рассказе «Случай из практики» можно обнаружить множество аспектов. Так, З.С. Паперный [2], читая рассказ в реалистическом ключе, рассматривает его как социальную критику ситуации на заводах к концу XIX в., бедности рабочих и одновременно зависимости хозяев от этой бедности. В этой критике Чехов приближается к мысли об «обреченности» капиталистического общества, а также о неизбежно наступающем социальном переломе. Изменение атмосферы от страшной ночной темноты к светлому утру воспринимается как верное предчувствие «нового, прекрасного мира» [2. С. 252].

Другую точку зрения высказывает В.Б. Катаев [3], главный представитель «гносеологической» интерпретации произведений Чехова, видящий в «Случае из практики» не рассказ о самом положении общества, но рассказ о том, как главный герой, доктор Королев, воспринимает это положение, не о бедности рабочих, но о том, как Королев вечером, при приезде, ночью и утром смотрит на нее [Там же]. В этой версии и ночью, и утром Королевым движет не убеждение, но настроение [Там же. С. 134].

Катаев также предлагает этический ответ на гносеологическую проблематику. По его мнению, «Случай из практики» относится к тем произведениям, в которых Чехов отмечает «преодоление разобщенности» [Там же. С. 272]; здесь это сближение между Королевым и Лизой. Человеку, по этой позиции, не дано понять жизнь другого человека; зато он призван принимать человека как такового.

Д. Рейфильд [4] в своем биографически ориентированном исследовании о творчестве Чехова близок отча-

сти точке зрения Паперного, отчасти позиции Катаева. В реалистическом ключе он пишет, что ночью на заводе Королев видит и понимает ужасное положение. Но так как красивые мысли Королева в следующее утро, по мнению Рейфильда, являются «дневным мечтанием, чтобы замаскировать свой ночной кошмар» [Там же. С. 193], Рейфильд интерпретирует «Случай из практики» также в гносеологическом ключе, как рассказ о том, что Королев не способен полностью понять и принять реальность.

Кроме интерпретаций рассказа «Случай из практики» следует также обратить внимание на позиции исследователей, которые рассматривают вопрос, был ли Чехов христианином. Б.К. Зайцев и В.Б. Катаев высказывают противоположные точки зрения, интерпретируя «Архиерея». Зайцев уверен в том, что Чехов был христианином, между тем как Катаев уверен в том, что он им не был, но в «Архиерее» показывает, что уважает каждого человека, в том числе верующего христианина [3. С. 278–293; 5. С. 177–181]. Чеховеды последующего периода отказываются ответить на этот вопрос по содержанию, но интерпретируют произведения с помощью библейского подтекста. А.С. Собенников обращает внимание на «Скучную историю» и «Дуэль», в которых речь идет о смысле жизни [6. С. 24–50], на рассказ «Моя жизнь» [Там же. С. 62–98], на рождественские и пасхальные рассказы [Там же. С. 99–159], из которых часто выделяются «Студент» и «Архиерей». Библейский текст, на который Собенников и М.С. Свифт [7. С. 43–64] обращают внимание, – это Екклесиаст. Эта книга Ветхого Завета играет значительную роль как источник для подтекста. Другим подтекстом, часто рассматриваемым исследователями (особенно на материале «пасхальных рассказов»), является библейский рассказ о смерти и воскресении Христа. М. Фрайзе анализирует, как Чехов привлекает евангельские тексты о суде, например в «Мужиках» и в «Печенеге» [8. С. 179–184; 202–204].

В данной статье впервые исследуется новозаветный подтекст рассказа «Случай из практики». Мы обращаем внимание на «пасхальную» тему, уже упомянутую нами, в особенности на то, как в чеховском подтексте проявляется тема Христа, исцеляющего больных. Мы также обращаем внимание на функцию ритмизации в данном рассказе, как это часто делают исследователи на материале других произведений Чехова, например при интерпретации повести «Степь» [Там же. С. 203].

Цель исследования – выяснить, каким образом и для чего, по форме и по содержанию «Случая из практи-

ки», Чехов моделирует главного героя по образу Христа исцеляющего. Она вступает в дискуссию о роли христианства в творчестве Чехова.

Отправной точкой нашей интерпретации является предположение М. Фрайзе о том, что в прозе Чехова как раз те действия и поступки героев, которые на уровне сюжета кажутся менее логичными, могут выполнять важную функцию в архитектонике произведения, так как они могут быть носителями иной логики, ощущаемой читателем [Там же. С. 13]. В анализируемом рассказе таким носителем смысла является факт, что поздним вечером, когда Королев собирается переночевать у Ляликовых, в «зале и гостиной для него зажгли все лампы и свечи» [1. Т. 10. С. 81]. Это не логично, ведь в доме хозяев завода должно быть электричество; не нужно и даже опасно зажигать все свечи в гостиной и зале, в которых находится только один человек, тем более что он может лечь спать. Именно это поведение указывает на символический смысл данного поступка. Ведь все свечи зажигают в храме для Христа.

И действительно, личности Королева придается христологический подтекст. Это показывает его фамилия, сближающая его с королем или царем (как Христос является царем), а также факт, что Королев – ординатор, посланный профессором, как Иисус Христос – сын, посланный Богом-отцом [Там же. С. 77]. Королев покидает пределы Москвы [Там же], как смерть и воскресение Иисуса происходят за Иерусалимом; благодаря его присутствию и прикосновению девушка оживляется, как благодаря присутствию и прикосновению Иисуса оживали люди, в том числе девушки и женщины [Там же. С. 79; см. Лк. 7 и 8]; общаясь с богатой молодой девушкой, он чувствует, что не сможет объяснить ей вред богатства, как Иисус не смог убедить богатого юношу отказаться от своего богатства [Там же. С. 86; см. Мк. 10]; поют петухи, как поет петух в ночь перед смертью Иисуса [Там же. С. 83]; пять раз упоминается, что у фабрики пять корпусов, как пять ран у Иисуса; завод производит ситец, напоминающий ткань, плащаницу распятого Христа [Там же. С. 82]; ранним утром воскресенья происходит оживление Лизы, а также самого Королева после ужаса ночи [Там же. С. 85], как Иисус воскрес ранним утром именно в день воскресенья.

В описании Королева присутствуют аллюзии на разные этапы жизненного пути Иисуса: происхождение «свыше», борьба с сатаной, доброжелательность и прикосновение к больным и их исцеление, страдания, смерть и воскресение. Вполне вероятно, что Чехов характеризует главного героя по образу Христа, так как Чехов, несмотря на свои сложные отношения с церковью, Христа очень уважал [9. С. 265]. Однако надо иметь в виду, что аллюзии на неземное происхождение Христа, на смерть и на воскресение, являются скорее «орнаментальным» фоном для рассказа [8. С. 100]. Между тем аллюзии на исцеления, совершенные Христом (как можно ожидать, когда речь идет о работе врача), а также на «дьявола», надо причислить к носителям фабулы.

В данном контексте Лизу можно понять на фоне тех девушек и женщин, которых Христос исцеляет. Она «единственная дочь» и «давно уже болела и лечилась у

разных докторов» [1. С. 78–80]. Это напоминает рассказ о том, как Иисус исцеляет женщину, у которой было непрерывное кровотечение, и заодно воскрешает девочку (см. Лк. 8, 41–56).

Выходя за рамки собственно библейского подтекста, мы не покидаем священной или духовной сферы, обращая внимание на ритмизацию в рассказе. Как мы уже видели, ритмизацию рассказа с помощью пяти колокольных звонов можно понять как аллюзию на пять ран Христа распятого. Но более значителен факт, что безнадежность ситуации Лизы, напоминающая безнадежность страдающих женщин из Евангелий, подчеркивается ритмом текста, некоторыми триадами: Лиза «произвела на Королеву впечатление существа 1) несчастного, 2) убогого, 3) которое из жалости пригрели здесь и укрыли». И врач пожимает Лизе «[1] большую, [2] холодную, [3] некрасивую руку» [Там же. С. 79]. О матери же говорится: «Она, мать, [1] вскормила, [2] вырастила дочь, [3] не жалела ничего, всю жизнь отдала на то, чтоб обучить ее [1] французскому языку, [2] танцам, [3] музыке, приглашала для нее [1] десяток учителей, [2] самых лучших докторов, держала [3] гувернантку, и теперь не понимала, откуда эти слезы [у Лизы, Ш.Л.], и у нее было [1] виноватое, [2] тревожное, [3] отчаянное выражение, точно она [1] упустила что-то очень важное, [2] чего-то еще не сделала, [3] кого-то еще не пригласила, а кого – неизвестно» [Там же]. Эти триады намекают на то, что «три» – цифра совершенства, здесь: совершенного, окончательного горя.

В данном контексте стоит отметить, что врач сначала считает Лизу некрасивой и не проявляет уважения к ней [Там же. С. 78]. Это показывает, что не сам Королев является образом Христа (чего и нельзя ожидать от земного человека), а его образ рисуется на фоне образа Христа. Лиза «села и, очевидно, давно уже привыкшая к докторам, равнодушная к тому, что у нее были открыты плечи и грудь, дала себя выслушать» [Там же. С. 79]. Она себя мало уважает, болезнь для нее стала постоянным положением. Но после того как Королев выслушал Лизу, она начинает плакать. В этот момент говорится о Королеве, что «он видел мягкое, страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему [1]стройной, [2]женственной, [3]простой» (еще раз триады, на этот раз положительные), «и хотелось уже успокоить ее [1]не лекарствами, [2]не советом, а [3]простым ласковым словом» [Там же]. Эта линия сочувствия к девушке и ее матери продолжается. Врач начинает утешать девушку добрыми словами. В определенный момент Королев думает о Лизе: «Замуж бы ее пора...» [Там же. С. 80]. Данная мысль – свидетельство того, что он уже не считает Лизу объектом медицины, но человеком, женщиной, и в этом заключается прогресс его мышления и его способ относиться к Лизе. Однако, он еще подходит к ней с определенным мнением: она женщина, ей нужен муж. То, что она в его глазах еще не до конца перестала быть объектом обсуждений, показывает грамматическая структура предложения. Используя винительный падеж, Королев думает о том, что Лизиним родным пора выдать ее замуж, что она, так сказать, в случае свадьбы будет не субъектом, а объектом. Так Хри-

стос бы не относился к человеку. Наоборот, во многих евангельских текстах говорится о том, что Иисус уважает индивидуальность страдающего человека, например не заранее определяя, в чем человек нуждается, а спрашивая, чего он желает (см. Мф. 15, 28). Еще раз оказывается, что между Христом и Королевым не может быть знака равенства. Но уже здесь Королев отходит от исключительно медицинского взгляда на Лизу.

Затем почти случайно Христина Дмитриевна, гувернантка, описанная как человек, чья жизнь заключается в наслаждении дорогой едой и дорогими напитками [Там же. С. 83], произносит важное слово. Говоря о будущем лечении Лизы, она высказывается так: «Помоему, уж если давать от сердца, то капли... забыла, как они называются...» [Там же. С. 80]. «Уж если давать от сердца» – именно в этом вопрос, однако не в смысле «давать средство от болезни сердца», но «давать человеку от своего сердца» – любви, внимания, уважения. И, как показывает дальнейший рассказ, даже «капли» этого помогают Лизе. Показательно, что по тексту Королев Лизе никакого лекарства не дает. Он дает добрые слова и утешение.

Вечером Королев собирается уехать, но по просьбе матери «ради бога» и «бога ради» он еще остается и ночует в доме Ляликовых [Там же]. В этом контексте он встречает зло, «дьявола», обращая внимание на ужас жизни на заводе и думая, при взгляде на два окна завода, через которые он видит огонь, что эти окна – как глаза «дьявола» [Там же. С. 82–83]. Здесь можно подумать о том, что деятельность Иисуса между больными и страдающими начинается после его встречи с сатаной (Мф. 4 пар.).

Греческое слово «диаболос» переводится «перепутатель». Это немаловажно, ведь речь идет о том, что в «каше» ежедневной жизни общие убеждения, такие, как мнение о необходимости властвования сильных над слабыми, оказываются «недоразумением» [Там же]. Этот факт, что Королев понимает ограниченность общих ответов, помогает ему сблизиться с индивидом.

То, что Королев, видя огни, чувствует себя как в присутствии «дьявола», сближает его с Лизой, ведь оба думают о «дьяволе», т.е. о силе, которая мешает людям жить: Королев видит «дьявола», вернее, он его не видит, но то, что он видит, заставляет Королеву думать о нем; Лиза же, разговаривая с Королевым, намекает на то, что «Тамара у Лермонтова была одинока и видела дьявола» [Там же. С. 85]. Речь о «дьяволе» также показывает, что библейский подтекст в «Случае из практики» далек от церковного догматизма, ведь «дьявол» здесь представлен не как личность, но как неличная сила [Там же. С. 82–83].

После ужасной ночи Королев способен помочь Лизе. Это показывает встреча с ней ранним утром: Королев проверяет ее пульс, исполняя обязанность врача. Затем он «поправил ей волосы, упавшие на лоб», что является жестом нежности. Потом дается одна деталь, которая показывает, как Королев сблизился с Лизой. Он ей говорит: «Вы не спите <...> На дворе прекрасная погода, весна, поют соловьи, а вы сидите в потемках и о чем-то думаете» [Там же. С. 84] – как и сам Королев думал всю ночь. Это сходство способствует тому, чтобы осуществилось желание Лизы «поговорить не с док-

тором, а с близким человеком, с другом, который бы понял [ее], убедил бы [ее], что [она, Ш.Л.] права или неправа». Лиза чувствует «участие» врача и получает возможность поговорить о своем страхе и одиночестве [Там же. С. 85], и врач убеждает ее в том, что ее задумчивость и бессонница хороши, что они являются признаками будущей хорошей жизни. Это удается, потому что он понял, что Лиза – не просто больная, не только женщина, которой не хватает мужа, но «славный, интересный человек» [Там же. С. 86]. Не он, конечно, ее исцеляет или воскрешает. Но он избавляет ее от ужаса.

В данном контексте стоит обратить внимание на Лизину «болезнь». У нее «сердцебиение» [Там же. С. 79]. Сердцебиение может быть признаком страха или гнева, как у Рагина в «Палате № 6» [1. Т. 8. С. 109, 114], иногда оно является признаком влюбленности, как у Гурова в «Даме с собачкой» [Там же. Т. 10. С. 140], и всегда – признаком жизни, как Чехов пишет о себе в письме: «Чем старше я становлюсь, тем чаще и полнее бьется во мне пульс жизни» [10. С. 449]. Королев помогает Лизе в том, чтобы ее переживания не стали признаком будущей гибели, как у Рагина, но началом новой жизни. Он говорит о том, что будущие поколения покинут прошлую жизнь, «побросают всё и уйдут» [1. Т. 10. С. 86]. Таким образом, «не прямо, а окольным путем» [Там же] он призывает Лизу, указывая на то, что не в богатстве будущее, даже если он сам еще не знает, в чем оно именно заключается.

В эту ночь происходит символическое воскресение. Лиза оживляется, она видит, что ее «болезнь» является началом надежды. И в воскресенье утром, когда доктор уезжает, она стоит «в белом платье» (как ангел у гроба воскресшего Христа) и «с цветком в волосах», символизирующим жизнь [Там же. С. 87]. Можно праздновать ее оживление. Но можно также праздновать оживление Королеву после ужаса ночи, обусловленное хорошим опытом, что он помог человеку.

Мы не знаем, потеряются ли новая жизнь и надежда, которые Лиза приобрела в эту ночь, из-за того, что Королева, наверное, больше не будет в ее жизни. Мы также не знаем значения слов: «Королев уже не помнил ни о рабочих, ни о свайных постройках, ни о дьяволе, а думал о том времени, быть может, уже близком, когда жизнь будет такою же светлою и радостной, как это тихое, воскресное утро» [Там же]. Значит ли это, что он ничего не добился, что новая надежда в нем лишь настроение, или он на самом деле научился по-новому надеяться на будущее? На эти вопросы рассказ окончательного ответа не дает. Тем не менее можно сказать, что в это воскресное утро «преодоление разобщенности» (Катаев), сближение между Королевым и Лизой и преодоление одиночества Лизы являются залогом надежды на новую жизнь, почти как для верующего человека таким залогом является сближение между Христом воскресшим и Марией Магдаленой, которую он зовет по имени, тем самым показывая, что она для него человек с индивидуальной личностью (Ин. 20, 11–18).

Подводя итоги, можно сказать, что в рассказе «Случай из практики» библейский подтекст играет значительную роль. Образ доктора Королеву (остающегося смертным и ограниченным человеком) всё больше сближается с образом Христа, посланного, чтобы побе-

дить зло и смерть и исцелить страдающих; а Лиза описывается по примеру девушек и женщин, которым Иисус помогает. «Случай из практики» показывает, чем Чехов близок к христианству и в чем он далек от церковной ортодоксальности. Для него главное – человек, индивид. Поэтому важен для Чехова Христос, заботящийся о человеке, особенно о страдающем, и уважающий личность каждого. Там, где люди, по стопам Христа, помогают друг другу, где они преодолевают разобщенность, там осуществляется для Чехова суть христианства и там упование на победу над

смертью, на воскресение и на вечную жизнь оказывается оправдано. В этом смысле «Случай из практики» является призывом поступать по примеру Христа. Однако на вопрос, сбудется ли надежда на новую жизнь, Чехов не дает ответа.

Тем не менее присутствие тематики упования на исцеление и воскресение, в Новом Завете данные Христом, усиливает динамику рассказа: от беды к надежде. Не только погода и настроение Королева в это воскресное утро прекрасны, но и в читателе возникают ассоциации и чувства оживления и воскресения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.
2. Паперный З.С. А.П. Чехов. Очерк творчества. 2-е изд., доп. М. : Гослитиздат, 1960. 300 с.
3. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 326 с.
4. Rayfield Donald. Understanding Chekhov. A Critical Study of Chekhov's Prose and Drama. Madison, Wisconsin, 1999. XVII. 295 с.
5. Зайцев Б.К. Чехов. М. : Дружба народов, 2000. 205 с.
6. Собенников А.С. «Между есть Бог и нет Бога...» (О религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 222 с.
7. Swift M.S. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. New York et al. : Peter Lang, 2004. XI. 196 с.
8. Freise M. Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen. Amsterdam – Atlanta. GA : Rodopi, 1997. 330 с.
9. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 289 с.
10. Simmons E.J. Cechov. A Biography. London : Jonathan Cape, 1963. 669 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 марта 2014 г.

THE BIBLICAL SUBTEXT IN ANTON CHEKHOV'S STORY "A CASE HISTORY"

Tomsk State University Journal. No. 382 (2014), 29-32. DOI: 10.17223/15617793/382/5

Lipke Stephan. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stephanlipkesj@rambler.ru

Keywords: Chekhov; subtext; atmosphere; healing; rhythm; Christ.

The topicality of this essay can be seen especially in the fact that it is the first research on the New Testament subtext of Anton Chekhov's story "A Case History", also known as "A Doctor's Visit" (1898). On doing this research attention is paid to the Easter topic, but most of all to the question how, in Chekhov's subtext, the topic of Christ healing the sick is presented. Furthermore, for the first time the function of rhythm in this story is considered, as other researchers often do in their interpretation of other works by Chekhov, e.g., "The Steppe". The starting point of interpretation is the following presupposition: in Chekhov's prose acts that seem less logical from the point of view of the plot line may often play an important role for the architecture of the work. They may be carriers of another kind of logic the reader can feel. In our story it is this fact: in the night, when Korolyov decides to stay in Lyalikovs' house, they lit all the candles in the salon and in the living room for him. This indicates a symbolic sense, since people light all the candles for Christ in the church. Chekhov pays attention to the way Doctor Korolyov understands and interprets the poverty in which the workers in the factory live, and how he understands the fact that the factory owners are dependent on this poverty. But Korolyov does not simply notice this situation. At the same time he gets closer to his patient, Liza, the factory owner's daughter, by this overcoming the isolation between people (Katayev). It is worth noticing that in this text there is not only a strong rhythm, based on the "sacred" or "perfect" number "three", but also a rich Biblical subtext consisting of allusions to the Chapters of the Bible in which Christ dies and rises from the dead and, what is crucial, to the Chapters in which Christ heals the sick. This subtext makes the topic of overcoming isolation more vivid. It is also important that Korolyov (and, in her own way, Liza) meets the "Devil" – to be understood here as the impersonal power of the Evil and the Wrong. In the meantime the subtext of "A Case History" shows clearly the sense in which Chekhov is close to Christianity but far away from any kind of Orthodoxy. The most important thing for him is the human being understood as an individual. And the particular note of Christianity is Christ taking care of human beings. Chekhov sees the essence of Christianity where people, like Christ, help one another, where they overcome isolation, and the hope for the victory over death, for resurrection and eternal life becomes justified. Of course Chekhov does not answer the question whether this hope will become real. In this sense he is far away from any kind of dogmatism.

REFERENCES

1. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters. In 30 vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1974-1983.
2. Paperny Z.S. *A.P. Chekhov. Ocherk tvorchestva* [A.P. Chekhov. An essay on works]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1960. 300 p.
3. Kataev V.B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow: Moscow University Publ., 1979. 326 p.
4. Rayfield D. *Understanding Chekhov. A Critical Study of Chekhov's Prose and Drama*. Madison, Wisconsin, 1999. XVII, 295 p.
5. Zaytsev B.K. *Chekhov*. Moscow: Druzhba narodov Publ., 2000. 205 p. (In Russian).
6. Sobennikov A.S. "Mezhdú est' Bog i net Boga" (O religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A.P. Chekhova) [Is there God or not (On the religious and philosophical traditions in the works of Anton Chekhov)]. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 1997. 222 p.
7. Swift M.S. *Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov*. New York et al.: Peter Lang, 2004. XI, 196 p.
8. Freise M. *Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen*. Amsterdam – Atlanta. GA: Rodopi, 1997. 330 p.
9. Chudakov A.P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 289 p.
10. Simmons E.J. *Cechov. A Biography*. London: Jonathan Cape, 1963. 669 p.

Received: March 13, 2014